

Изгнанница. Путь к свободе

Автор:

[Катерина Цвик](#)

Изгнанница. Путь к свободе

Катерина Цвик

Сегодня я узнала, что в моей крови обнаружили мутаген, превращающий людей в чудовищ, и теперь я жертва в Большой охоте. Все, что мне остается – убегать от тех, кому совсем недавно доверяла. Но чем дальше я бегу, тем лучше видится ложь, опутавшая паутиной всю мою жизнь. Так ли опасен мутаген, как принято считать? Так ли страшны чудовища на самом деле, если один из них спасает тебе жизнь? Кому верить, если привычный мир разваливается на куски? Меня зовут Мэй. И я обязана выжить и во всем разобраться.

Катерина Цвик

Изгнанница. Путь к свободе

Пролог

– Дамы и господа! Событие этого года, которого вы все так ждали... – уже несколько минут надрывался в микрофон ведущий в блестящих попугаистых одеждах. – ...Церемония Выбора прошла, и настало время выгнать из нашего стада паршивых овец! – На стенах одобрительно закричали и заулюлюкали. – И да начнется Большая охота!

Раздался сигнал гонга, и ведущий раскинул руки, будто дарил присутствовавшим величайшее из благ и безумно этим гордился. Широкая улыбка не сходила с его лица.

И люди на стенах взорвались овациями и одобрительными топотом и свитом.

Огромные городские ворота, которые открывали лишь в исключительных случаях, начали медленно распахиваться.

В последнее время они мне часто снились, как и дикие крики толпы, посылавшей меня и еще пятерку неудачников на смерть. Я просыпалась в холодном поту и даже плакала от облегчения, что все это мне только привиделось и никогда ничего подобного со мной не случится.

Но только на этот раз это был не сон – ворота города, за которые я никогда в жизни не выходила и которые оберегали жителей благословенного Ковчега, открывались, а стоявшие позади охотники приготовились вытолкать тех из нас, кто не поторопится выйти сам. А дальше...

...будет охота. Охота на нас.

Я гипнотизировала ворота взглядом, ожидая, когда створки откроются настолько, чтобы можно было выбежать. И все же не удержалась и обернулась.

Лекс... Когда-то мне казалось, что я влюблена в него. Что он отвечает мне взаимностью... Когда-то мне многое казалось... Сейчас же он стоял в строю тех, кто будет загонять меня, как животное, на потеху толпе.

Сейчас у меня одна надежда – выскользнуть отсюда первой и бежать! Бежать так быстро, как никогда ранее, чтобы успеть скрыться в подлеске до того, как закончатся традиционные три минуты форы. А там... Лучше уж умереть от лап чудовищ, чем от рук тех, на защиту кого полагалась всю жизнь и кто это доверие предал.

Вот и наступило долгожданное утро Выбора! Хотя я не столько его ждала, сколько боялась. В этот день решится моя судьба – Великий К определит, к чему у меня есть предрасположенность, и направит учиться той специальности, которая близка мне по психотипу и которая на данный момент нужна Ковчегу. Но главное – я получу подтверждение, что моя кровь чиста от мутагена. А иначе и быть не может. Иначе...

Мурашки ужаса всегда бежали по моей спине при мысли об этом «иначе».

Но я не чувствовала в себе никаких мутаций, хотя и прислушивалась очень тщательно. Именно с шестнадцати лет мутации, если они есть, и начинают проявляться. После Дня Выбора раз в год всем жителям города, кроме тех, кто еще не прошел церемонию, строго по графику делают инъекцию для защиты от возможных мутаций в будущем.

Обнаружить у себя мутаген – это самое страшное, что может произойти с человеком. Нам об этом с самого детства рассказывают и показывают ужасные картинки, во что превращается человек с мутагеном – самое настоящее чудовище, в глазах которого плещется только ненависть и желание разорвать, уничтожить.

И наши Охотники, которым приходится выходить за стены города, почти каждый раз приносят новые снимки разных тварей, которые когда-то были людьми. Правда, ходят упорные слухи, что это фото мутировавших животных, а люди в таких не превращаются. Но я в них не верила – Совет Основателей не может врать!

Именно благодаря Совету когда-то и был создан город-ковчег, который сохранил и продолжает оберегать остатки человеческой цивилизации после того, как на мир обрушилась катастрофа.

Поговаривают, что где-то еще есть такие же города-ковчег, и что когда-то все они соединялись между собой подземными путями. Но что бы там ни говорили, сейчас эти связи уже не существуют.

– Уже встала? – улыбнулась мама, обернувшись от плиты.

- Ага, - присела я на стул, наблюдая, как она печет оладьи.

- Волнуешься?

- Есть немного, - не стала скрывать я.

- Все будет хорошо, вот увидишь! - подбодрила она меня.

- Ничего хорошего не будет, - буркнула вошедшая в кухню бабушка и посмотрела на меня тяжелым взглядом.

- Мама! Ну сколько можно?! - возмутилась моя мама. - Ты целую неделю сама не своя! Что-то увидела? Так скажи!

- Ничего ты не понимаешь! Ничего я не увидела! - кряхтя, она развернулась и покинула кухню.

Бабушка у нас вроде ясновидящей. Кто-то в это верил и даже приходил к ней узнать свое будущее, а кто-то называл шарлатанкой. Сама я не знала, как к этому относиться, потому что близким бабушка никогда не предсказывала будущее и ужасно злилась, когда ее об этом просили. В общем, проверить правдивость ее дара у меня не было возможности. Но одно то, что иногда к ней на консультацию приходили закутанные в плащи личности, из-под надвинутого капюшона которых были видны лишь глухие маски, говорило о многом. После их визитов бабушка была сама не своя.

Однажды я спросила, зачем она принимает этих людей, если после у нее так портится настроение.

- Им нельзя отказать, - нахмурилась она, а потом вспылила: - И вообще, этот мир - дрянная штука! И нечего лезть ко мне с дурацкими вопросами! - После чего впала в такое плохое расположение духа, что выгнала меня гулять на улицу. Больше я ее о таинственных визитерах не спрашивала.

С каждым годом у бабушки все больше портился характер, а предсказания становились сумбурными и малопонятными, и теперь ее все чаще называли сумасшедшей. Вчера вот взашей выгнала соседку, которая зашла к ней с каким-

то вопросом о будущем. Ох и досталось же бедолаге! Давненько я не слышала, чтобы бабушка так кричала и кидалась всем, что попало под руки. Теперь слава о ее неадекватности подкрепится.

Завтрак отчего-то праздничным не получился. Я волновалась, мама пыталась поддержать, а бабушка только зыркнула на нас недовольно и, шаркая тапками, вообще ушла в комнату, где что-то перебирала и бурчала себе под нос.

- Не обращай внимания, - мама положила руку на мою. - Просто она переживает.

- Понимаю, - улыбнулась я ей в ответ.

- Ну что, пошли одеваться? Время уже поджимает, а нам еще до Дворца Благоденствия нужно доехать.

Я пошла к себе в комнату, чтобы надеть приготовленное со вчерашнего вечера голубое платье с летящей юбкой, которое мы с мамой купили специально для этого дня, но... его на вешалке не оказалось.

Я так и застыла перед открытыми дверцами шкафа, не понимая, куда оно могло деться.

- Оно тебе не подойдет, - послышался от двери старческий надтреснутый голос, наполненный такой печалью, что я вздрогнула.

- Бабушка?

Но она лишь махнула рукой, приглашая идти за собой и направилась в ванную. Я в полном недоумении последовала за ней. Старушка, к моему удивлению, включила с хорошим напором воду, расход которой мы постоянно контролировали и не позволяли себе вот так варварски впустую ее расходовать, и, взяв меня за руку, притянула к себе и начала шептать на ухо:

- Беги к воде - она скроет следы. Следуй за зеленоглазым, не бойся. И помни: все лгут! Дар - это неплохо. Дар - это дар. А ложь душит тех, кто ею живет.

- Б-бабушка, я ничего не понимаю...

Я смотрела в ее пронзительные почти безумные глаза и отчего-то очень сильно боялась.

– Все, иди! – она внезапно притянула меня еще ближе, поцеловала в лоб и оттолкнула, взгляд ее потух, и она села на край ванны. – Иди, Мэй. И да хранит тебя Господь.

Я вздрогнула – религию в Ковчеге уже давно запретили, люди здесь могли надеяться только на себя и на отцов-основателей. По сути, они, отцы-основатели, которые жили столько, сколько существует Ковчег, и были нашей религией.

Я вывалилась из ванной, не зная, как на все это реагировать. В голове царил полный сумбур.

Снова вошла к себе в комнату и попыталась найти платье. Но если бабушка его спрятала, то найти его не удастся. Вздохнула. И что за бешеная муха ее сегодня укусила? Но хуже всего, что сама я на самом деле безумно боялась этого дня, хотя и старалась запрятать этот страх как можно глубже. И еще эти сны...

Я мотнула головой, отгоняя неуместные мысли. Нет! Все будет хорошо!

Я снова прошла к шкафу и достала единственный костюм, который еще мог подойти для столь важного дня – обтягивающие белые брючки и короткая кофточка с длинными рукавами, которая оставляла открытым участок кожи выше пояса брюк. С волосами мудрить не стала, просто расчесала их и уложила на одно плечо. Длинные, блестящие густые темные волосы были моей гордостью и украшением.

Я в последний раз посмотрела на себя в зеркало, в котором отразилась миниатюрная брюнетка с карими, почти черными глазами, в которых плескалось беспокойство, выдохнула, взяла сумочку и вышла в коридор.

Мама удивилась, когда увидела меня не в новом платье, но я не стала ей рассказывать о странном поведении бабушки, просто сказала, что так мне будет удобнее. Та лишь покачала головой, и мы отправились на остановку монорельс.

Бабушка провожать нас так и не вышла...

***

В нашем районе было еще не менее двадцати молодых людей, которые собирались проходить церемонию Выбора, и все они шли в окружении своих родственников и явно предвкушали свое взрослое будущее и были сильно возбуждены. Шли среди них и мои одноклассники. Мне же было не по себе, и в вагоне монорельса я старалась ни с кем не общаться и просто смотрела в окно на мелькавшие пейзажи Ковчега.

Наш город большой и состоит из нескольких поясов: Центрального, Делового, Рабочего и Сельскохозяйственного. Но народ их называет проще: Центр, Воротнички, Трудяги и Землеройки, хотя в последнем районе занимались и животноводством, и другими сельскохозяйственными делами, но как уж у людей прижилось.

Их все связывали между собой вот такие вот монорельсовые дороги. Автотранспорта в городе почти нет. Сам город обнесен высокой стеной, по верху которой проведено электричество. Даже представить сложно, сколько времени и ресурсов понадобилось, чтобы возвести эту стену. Но она надежно скрывает жителей Ковчега от всех превратностей мира за его пределами. А там очень страшно – все об этом знают. И как же я боялась, что после церемонии Выбора могу оказаться за этой стеной. Хотя нет, больше всего я боялась обнаружить у себя мутаген и стать чудовищем. Таким существам и правда не место среди людей.

И все же я не понимала Большую охоту, которая устраивалась отцами-основателями уже более ста лет – с самой первой церемонии Выбора. Но людям она нравится, ее ждут и обсуждают потом целый год. Слово эта жестокость примиряет их с положением дел и с тем, что они вынуждены всю жизнь прятаться за стенами города и подчиняться его законам.

Только... Почему просто не отпустить несчастных на все четыре стороны или просто безболезненно лишить жизни? Зачем обязательно так варварски убивать у всех на глазах, а потом еще несколько недель, не прекращая, крутить видео с камер на всех каналах и общественных экранах? «Радуйтесь, что вам повезло»?

Или «берегитесь, это может случиться с вашим ребенком»?

Хотя нет, конечно. Отцы-основатели объясняют это просто: людей с мутагеном нужно уничтожать, чтобы они не населяли землю и за его стеной. Только тогда люди смогут жить спокойно. А делается это так демонстративно, чтобы жители не забывали о нависшей над ними опасности и были уверены, что твари мертвы.

И все же я не могла и не хотела принять эту жестокость и смотреть на охоту никогда не ходила, хотя избежать того, чтобы быть в курсе происходящего, не получалось – видео крутили повсюду.

А какой тотализатор разворачивался! Сколько минут проживет каждый бегун? Кто из охотников убьет очередную жертву и как? И еще очень много всяких ставок. Меня от этого тошнило. Наверное, потому, что я всегда представляла себя на месте несчастных, которым просто не повезло.

– Эй, ты чего такая кислая? – подсела ко мне школьная подруга Фая и легонько толкнула плечом.

– Я не кислая, просто задумалась, – обозначила я улыбку.

– Да ну?! Неужели боишься, что у тебя обнаружат мутаген? – с наигранной веселостью спросила она и натужно рассмеялась.

А я посмотрела ей в глаза и внезапно поняла: она боится не меньше. И она, и все эти гомонящие вокруг подростки – все они боятся! И за напускной веселостью и бравадой стараются этот страх скрыть.

– Мы все боимся, Фая, – не стала я играть по правилам лицедейства, в которое она хотела меня втянуть.

Улыбка на мгновение слетела с ее губ, в глазах мелькнули страх и растерянность, а потом она снова слишком громко и наигранно рассмеялась:

– Придумаешь тоже! Ладно, пошла я, а то тут с тобой совсем скиснуть можно! – и, подскочив, вернулась к другим парням и девушкам.

А я поймала обеспокоенный взгляд мамы, которая общалась с родителями ребят, и отвернулась к окну.

Двери монорельса уже несколько раз открывались, впуская все новые группы людей, и скоро вагон заполнился почти до отказа.

– Привет! Вот я тебя и нашел! – Лекс протиснулся вперед и одним лишь взглядом согнал с соседнего места парнишку. Взял мою руку. – Ух! Чего такая холодная? Волнуешься?

– Есть немного, – не стала я скрывать очевидное от своего парня. – Согласись, сегодня важный день.

Мы стали встречаться совсем недавно, и я еще не успела привыкнуть, что он может вот так свободно у всех на виду брать меня за руку. Это было очень волнительно, и я все еще немного смущалась. В Ковчеге вообще открыто показывать свои чувства не принято.

– Не волнуйся. Все будет хорошо! Уверен, тебе удастся всех поразить, и Великий К отправит тебя учиться на гурию.

Парень так на меня смотрел, что я покраснела. Я и правда очень хотела стать гурией и танцевать, передавая через пластику тела эмоции, которые не могла показать и выказать обычными словами. Танец был моей страстью с самого детства, когда бабушка впервые отвела меня на занятия к нашему хореографу. Иногда мне казалось, что по-настоящему я жила только когда танцевала. И только став гурией – одной из немногих, кто будет в танце восславлять величие, дальновидность и ум отцов-основателей, я смогу посвятить свою жизнь танцу.

Я знала, что пройти туда отбор очень сложно, но я надеялась. Видео с моими выступлениями уже несколько недель назад были отсланы проверяющей комиссии, и я уже прошла собеседование, результатов которого, правда, не знала. Но окончательный вердикт в любом случае можно будет узнать только после прохождения церемонии.

– Я на это очень надеюсь.

– А меня вчера допустили к охоте! Представляешь! Я закончил курс с лучшими баллами, и сегодня стану настоящим охотником!

– Ты радуешься, что сегодня будешь убивать людей? – нахмурилась я.

Конечно, я знала, что Лекс скоро станет охотником, но как-то не проводила параллелей с тем, что он может участвовать в Большой охоте – это ведь прерогатива очень немногих. Я же видела парня самоотверженным сталкером, который будет ходить за стену, чтобы сразиться с опасными чудовищами и добыть какую-то нужную городу информацию или ингредиент. А тут...

– Мэй! – покровительственно улыбнулся он. – Бегуны – это уже не люди, и ты сама это прекрасно знаешь.

– Бегуны... – я отвернулась.

С того самого момента, как у человека обнаруживали мутаген, его переставали называть человеком, а уж если кто-то нечаянно называл его жертвой, то вполне мог сильно просесть в уровне социальной адаптации (УСА), который в Ковчеге влияет очень на многое, и в первую очередь на заработную плату.

– ...Ты и правда думаешь, что за те несколько часов, в течение которых у чел... у бегуна обнаруживают мутаген, он меняется настолько, что разительно отличается от того, кем был еще утром? – я повернулась и посмотрела в глаза Лекса.

Он нахмурился, и счастливая улыбка сползла с его лица:

– Это уже не человек, Мэй, это мутант, на котором просто все еще накинута человеческая шкура, которая вот-вот с него сползет. И наша задача – очищать Ковчег от этой погани. Или ты считаешь иначе?..

Как правильно он все говорит. И правда, разве можно считать иначе? Я постоянно пытаюсь поставить себя на их место, но Лекс прав – это уже не люди, и их нельзя мерить общими понятиями. Просто в душу запали когда-то очень давно подслушанные у бабушки слова, которые она произнесла после очередного показа ролика о Большой охоте:

- Человек – не человек, такой – не такой... Да какие они сами люди после этого?!

Но бабушка ведь всегда была немного не от мира сего. И почему ее слова так четко отпечатываются в моей памяти?

- Нет, конечно, нет, - ответила я парню и нервно улыбнулась. - Просто я волнуюсь. Извини, что не порадовалась за тебя. Ты и правда лучший и заслужил такое поощрение.

Губы Лекса снова растянулись в счастливой улыбке. Когда он вот так улыбается, то становится просто убийственно красивым: яркие голубые глаза так и сияют, ямочки на щеках притягивают взгляд, а светлые тщательно уложенные волосы довершают образ идеального парня. Когда мы с ним только познакомились – наша школа танцев выступала перед будущими охотниками на концерте полгода назад, – я и не думала, что лучший курсант курса и сын Главы охотников заинтересуется мной настолько, что отыщет в сети и будет искать со мной встреч. Поначалу я его побаивалась – не понимала, чего он от меня хочет. Все-таки я обычная девушка из рабочего сектора, да и он старше меня на целых три года, но, похоже, я и правда ему понравилась, и он приезжал ко мне каждое увольнение и с разрешения мамы увозил гулять в центральные парки, куда ему, в отличие от нас, всегда был открыт доступ.

Вагон остановился на нужной остановке, и все поспешили на выход. Мы с Лексом тоже.

На улице нас уже ждала мама:

- Здравствуй, Лекс. Я рада, что ты будешь рядом с Мэй в этот день. Она очень волнуется.

- Здравствуйте, госпожа Савайя. Да, я вижу, – он погладил большим пальцем мою руку, которую крепко сжимал. – Но это все зря. Уверен, Мэй получит именно то распределение, о котором мечтает.

***

Дорога до Дворца Благоденствия занимала обычно около пятнадцати минут, но сегодня мне показалось, что это время пролетело слишком быстро. Я бы предпочла вот так шагать еще минимум пару часов.

У Дворца, в который сегодня впускали только тех, кто должен пройти процедуру выбора, мама крепко меня обняла и поцеловала в лоб:

- Ты у меня такая умница и красавица выросла. Все будет хорошо! Папа тобой гордился бы, Мэй.

Я сморгнула внезапно набежавшую слезу. Я очень скучала по отцу, но полтора года назад несчастный случай на работе унес его жизнь. Крепко обняла маму в ответ и повернулась к Лексу.

- Я буду тебя ждать, - он улыбнулся и внезапно поцеловал меня в щеку.

Вот так, на виду у всех - и мамы тоже!

Я жутко смутилась и, пребывая в своих сумбурных мыслях, даже не заметила, как прошла идентификацию на входе и вышла в огромный зал, по всему периметру которого стояли кабинки, в которых нам предстояло пройти тесты от Великого К - так мы называем искусственный интеллект, которые уже более ста лет следит за каждым жителем Ковчега. Здесь же, в кабинках, у нас возьмут анализ крови на мутаген, который будет готов к тому моменту, как закончится тестирование.

- Пойдем, - меня под локоток подхватила миловидная девушка в белом халате и проводила в ближайшую свободную кабинку, благожелательно улыбнулась и оставила наедине с доктором, который тут же поинтересовался моим именем.

- Мэй Савайя, - ответила я пересохшим горлом.

Глава 2. Отцы-основатели

Меня вели по извилистым коридорам Дворца Благоденствия, в которых я раньше никогда не бывала, и я даже не успевала вертеть головой, чтобы внимательнее рассмотреть многочисленные картины и статуи, которые мелькали перед глазами. Такой роскоши я еще никогда не видела. А ведь это всего лишь коридоры!

Я совершенно не понимала, зачем и куда меня ведут. Но после того как у меня взяли кровь и посадили за индивидуальный тест, врач ушел, а следующим, кто зашел в мою кабинку, был вот этот молодой парень из личной гвардии отцов-основателей, который приказал следовать за ним.

В голове заметались сразу тысяча мыслей от «Все! Конец! У меня обнаружили мутаген» до «Моя мечта исполнится и меня возьмут в гурии!», и от того в ней был полный кавардак. Наконец, мы остановились у одной из дверей, и гвардеец открыл ее передо мной. После чего зашел следом, поклонился сидевшему на низком диване мужчине:

– Мэй Савайя по вашему приказу прибыла.

Я впала в глубокий ступор, потому что никак не могла поверить, что и правда вижу перед собой своего кумира, одного из отцов-основателей Ковчега! Раньше я видела его только по телевизору и могла лишь мечтать увидеть воочию! И вот он передо мной, прямо в этой комнате.

Привлекательный шатен – а в моем представлении сам небожитель – пил что-то янтарное из большого пузатого стакана и смотрел на танцующую перед ними пятерку гурий. Девушки были почти обнажены. Их тела скрывали лишь небольшие золотистые полоски в районе груди и бедер, а на головах были надеты замысловатые золотые обручи. Ноздри щекотал аромат каких-то благовоний, а царивший в комнате полумрак придавал происходящему нереальности.

Никогда прежде я не видела, чтобы гурии танцевали в таких откровенных нарядах. В Ковчеге подобный разврат считался неприемлем. А тут один из отцов-основателей нарушал свой же главный постулат: «Чистая кровь. Чистые помыслы. Чистая Земля». Но больше всего меня поразило, что рядом с ним сидели и стояли такие же гурии, одетые лишь в золотые лоскуты. Одна из них делала массаж головы, другая гладила все, до чего дотягивалась – а она

дотягивалась до всего, – третья стояла позади дивана и массировала плечи, четвертая сидела в ногах и смотрела на него преданными глазами.

Я ничего не понимала. Казалось, это какое-то наваждение, которое никак не может быть правдой.

Мужчина, наконец, обратил на меня внимание, музыка стала тише, и Гардеон поманил меня к себе пальцем. Внешне он самый молодой из отцов-основателей – они словно застыли во времени и старели очень медленно.

Мои же ноги словно прилипли к полу, и я не могла себя заставить сделать даже шаг. Я не понимала, что со мной происходит. Все мои жизненные установки говорили одно, глаза видели совершенно другое, и в голове царил полный сумбур.

– Ну же, не бойся, иди сюда, – покровительственно улыбнулся Гардеон и одним движением руки отогнал от себя ласкавшую его четверку гурий. – Ты же сама хотела стать гурией, так чего же сейчас застыла?

Я? Хотела? Нет! Я точно не хотела вот этого! Это же... Это так же далеко от танца и всего, к чему я стремилась и о чем мечтала, как Земля от Солнца! Я непроизвольно замотала головой и сделала шаг назад. Улыбка мужчины тут же померкла, глаза сузились.

– Я сказал – подойди, – уже совершенно другим тоном, которого просто невозможно послушаться, приказал он. Чувство самосохранения завопило, и я, преодолевая внутренний протест, подошла к дивану. – Садись.

Я присела на самый краешек, стараясь не смотреть в глаза отца-основателя.

– А знаешь ли ты, маленькая гурия, что в твоей крови нашли мутаген? – почти над самым ухом раздался его шепот.

Я вздрогнула, вскинула голову и встретилась с мужчиной взглядом. Он наклонился так близко, что наши глаза были вровень, и смотрел испытующе, требовательно и был совершенно серьезен.

Паника затопила меня удушливой волной, кровь отлила от лица.

– О, я вижу, ты осознала свое положение, – произнес он и придвинулся еще ближе, отчего наши дыхания почти смешивались, и в его я почувствовала запах алкоголя. – Но я могу сделать так, что мутаген не превратит тебя в монстра. Хочешь?

Я смотрела в его серые, чуть водянистые глаза, которые на многочисленных снимках казались мне осколками метеорита, а сейчас...я еле сдерживала дрожь отвращения. Почему он это сказал? Неужели есть надежда? Тогда почему отцы-основатели не лечат всех несчастных? Неужели препарат такой дорогой и редкий, что потратить его могут далеко не на каждого? Тогда почему я? И чем мне придется расплачиваться?

– Хочу... Но зачем это вам?

Мужчина склонил голову набок, будто заново оценивая меня:

– А ты задаешь правильные вопросы, маленькая гурия. Видишь ли... Дар твоей бабки крайне редок, а ты явно его переняла. Мы тщательно отслеживали ее генетическую линию. И я бы хотел, чтобы этот дар служил мне и Ковчегу в полную силу. А твоя бабка, уж прости, та еще грымза, уже умом тронулась. Да и недолго ей осталось.

– Она еще и вас переживет, – тихо, но уверенно возразила я, сама от себя такого не ожидая.

Мужчина сначала рассмеялся, откинувшись на спинку дивана, но резко прекратил и снова оказался ко мне нос к носу. Переход был таким внезапным, что мне стало жутко.

– Это твое предсказание? – он пристально вглядывался мне в глаза, и я видела, как нервно дергается его веко.

– Что? – не ожидала я такого вопроса.

– Значит, нет... – пришел он к какому-то выводу и залепил мне такую оплеуху, что я свалилась с дивана. – Ах ты дрянь! – зашипел этот ненормальный, нависая надо мной.

Я же в ужасе прижимала руку к щеке, готовая к очередному удару, но его не последовало – Гардеон сдержался и лишь сжимал и разжимал руку.

Девушки, которые только что танцевали перед Гардеоном, сбились в кучку, но в их глазах я не заметила ни сочувствия, ни удивления. Лишь безразличие и страх, что гнев мужчины может пасть и на них. О помощи с их стороны не могло быть и речи.

Я шла на церемонию Выбора, надеясь обрести свою место в Ковчеге, а оказалось, что повелась на картинку, и сейчас передо мной раскрывалось истинное предназначение, которое определили гуриям отцы-основатели.

Меня начало трясти. Внутренняя дрожь оказалась такой сильной, что это стало заметно и уже явно пришедшему в себя Гардеону.

– Что с тобой? Вставай.

Я снова перевела с него взгляд на безучастные лица гурий, чьи брови, ресницы и губы были окрашены в позолоту, как и их куцые костюмы, и меня затрясло еще сильнее.

Неужели и мне суждено стать такой же? Куклой на потеху Гардеона или тех, кто этого пожелает?

Зубы уже застучали. Организм явно не мог преодолеть нарастающий внутренний протест, столкнувшийся с догмами, привитыми с самого детства. Все, что было основой моей жизни, все мои надежды и мечты, все рушилось под стальной дланью Гардеона.

Он проследил за моим взглядом:

– Вон! – Одно слово – и девушек в комнате не стало. – Да что с тобой такое?! – Он подхватил меня под локти, но я рванулась прочь. Вернее, попробовала, но его

хватка была железной. – Да чтоб тебя!

И он дал мне еще одну оплеуху. Не такую мощную, как предыдущую, но она будто что-то переключила в моем мировосприятии. Для меня все вдруг стало предельно просто и ясно.

Монстры за стеной... Нашла кого бояться. Те монстры могут искалечить и уничтожить лишь тело. А монстр, сидящий напротив меня...

– Ну что, успокоилась? На, выпей, – и протянул мне бокал с той самой янтарной жидкостью.

Я замотала головой, но он сунул мне его в самые губы, и я выпила. Внутренности словно обожгло жидким пламенем, я судорожно вдохнула, стараясь протолкнуть внутрь воздух.

– Вот, дыши давай. А то устроила тут непонятно что, – раздраженно рычал Гардеон. Он поправил ворот длинной верхней рубахи своего замысловатого наряда. – Так что, моя маленькая гурия, будем договариваться?

– О чем?

Мужчина насмешливо изогнул бровь:

– О том, на каких условиях я сохраню тебе жизнь. И заметь, именно я, а не кто-то другой из отцов-основателей.

– То есть вы не боитесь, что я в любой момент могу превратиться в монстра?

– Я же сказал, что проблема решаема, но все зависит от тебя. Так как? – его явно сильно раздражал этот разговор, но он сдерживался.

Действительно, кто я, а кто он, чтобы тратить на меня свое драгоценное время.

– Нет, – тихо ответила я, ощущая, как легко становится в голове от выпитого.

- Что нет?

- Я не буду с вами договариваться.

Гардеон недобро сощурился:

- То есть ты готова стать бегуньей?

- Я не готова стать рабыней.

Мужчина расхохотался почти до слез и даже промокнул пальцами кончики глаз:

- Наивная дурочка, - он снова сощурился: - Я даю тебе последний шанс согласиться. Тебе понравится работать на меня. У тебя будет все, что пожелаешь. Хочешь - будешь танцевать. Хочешь - не будешь. Твоя задача будет другой.

- Предсказывать будущее? - мне это казалось абсурдом.

- И не только. Прошное, знаешь ли, иногда предопределяет будущее.

- Я смогу и это?

- Твоя бабка может, - дернул он плечом.

Согласиться? И стать... кем?

Не согласиться? И... умереть.

- Гардеон, Гардеон, - раздалось укоризненное от двери, и в помещение неспешно вошел Берган - пепельноволосый мужчина, который выглядел не старше сорока лет - еще один отец-основатель Ковчега. Он оглядел перепуганную меня, державшуюся за щеку, и остановил взгляд на Гардеоне. - Как всегда, нетерпелив и поспешен.

При виде вошедшего я подскочила с дивана и уставилась на него во все глаза.

– Я просто привык действовать, – развалился на диване шатен.

– И к чему привели эти действия? Смотри, как ты напугал бедную девочку.

– Ей еще не так предстоит испугаться, если она не примет мое предложение, – холодно парировал Гардеон.

– Ничему-то тебя жизнь не учит, – покачал головой пепельноволосый и обратился ко мне: – Дитя, ты согласна принять предложение этого оболтуса?..

Я покосилась на мужчину, которому уже давно далеко за сто лет, но которого только что назвали оболтусом. Тот лишь фыркнул и тоже посмотрел на меня.

– ...Ну же, дитя, – Берган смотрел на меня с такой понимающей отеческой улыбкой, что я с трудом сдержала слезы, увидев в лице этого отца-основателя островок своего привычного мира, который только что трещал по швам.

Глядя в его добрые глаза, я поверила, что уж он-то настоящий – не выдуманная картинка, в которую превратился образ Гардеона. И он мне обязательно поможет.

– Отец Берган, я не понимаю, что происходит. Но служить ни гурией, ни кем-то еще отцу Гардеану я не хочу.

Берган сочувственно покачал головой и повернулся к другу:

– Вот видишь, она не хочет, – и тут же отрывисто кого-то позвал. – Лейван! – В комнату вошел тот самый гвардеец, который привел меня сюда. – У девушки обнаружили мутаген. Отведи ее к бегунам, – и отвернулся, мазнув по мне ничего не выражающим взглядом.

Меня будто кипятком обдали. Я е ничего не понимала и лишь смотрела на подошедшего к вазе с фруктами Бергана.

Гвардеец схватил меня за руку и потащил к выходу, а я никак не могла отвести взгляда от Бергана и поверить, что мое доверие только что походя растоптали.

Интерлюдия первая. За закрытыми дверями

– Берган, это что сейчас было? Ты хоть понимаешь, что она видящая! Где мы теперь найдем другую?! Ее бабка умом тронулась и уже давно ничего путного не говорит! А Квентин, между прочим, явно что-то задумал!

– Успокойся, Гардеон, – остудил его возмущение мужчина. – Я уже говорил, что ты как всегда слишком торопишься. Или ты уже забыл, чем закончилась история с ее бабкой?

– Там все было иначе.

– Да ну?! Гар, она уже сейчас готова была служить любому другому отцу-основателю и предала бы тебя, то есть нас, при первом удобном случае. Ты же помнишь, как было с ее бабкой: она тогда подставила Квентина – не без нашей помощи – и вывернулась. Да так, что мы на нее и надавить не смогли. Думаешь, он это нам забыл и не попытается ответить тем же?

– И чего ты добился сейчас? Что у нас не будет видящей вообще?

– Гар, Гар... – снова покачал головой пепельноволосый и выбрал в вазочке яблоко. – Можно ведь сделать так, что бежать ей от нас будет просто некуда. Более того, она будет нам за это безумно благодарна и станет делать все, что мы пожелаем.

Шатен недоверчиво повел бровью:

– И как же ты собираешься это повернуть?

Берган усмехнулся:

– Для начала все узнают, что у нее обнаружили мутаген, и общество навсегда вычеркнет ее из своих списков. Потом она убежит за стену, где ее «убьют». Ну а

после этого она снова тайными путями попадет в Ковчег, и мы о ней позаботимся. И поверь, Дворец Благоденствия она уже не покинет никогда.

По лицу Гардеона расплзлась предвкушающая улыбка:

– Я так понимаю, что с охотником ты уже договорился.

Вместо ответа Берган впился зубами в красный бок яблока.

Глава 3. Приговоренные к закланию

Я шла за гвардейцем в таком подавленном состоянии, что не сразу поняла, когда мы остановились. Подняла глаза и увидела... Лекса.

– ...Да, обнаружили мутаген, – услышала я окончание их короткой беседы.

Парень перевел на меня потрясенный взгляд. И мне вдруг так захотелось, чтобы хотя бы он не отвернулся от меня, а остался все тем же Лексом, который еще пару часов назад смотрел на меня с восхищением, сжимал у всех на виду мою руку и целовал в щеку.

– Лекс... – позвала одними губами. Но он резко мотнул головой, будто мои слова хлестнули его по лицу, и посторонился, пропуская нас вперед. – И ты, Лекс... – сорвался тихий упрек с моих губ.

Наконец, меня привели в комнату, окна которой были забраны решетками, а все убранство состояло из нескольких стульев и стола, который сейчас был заполнен самыми разными яствами.

Этот стол, а вернее его убранство, так констатировало с этим помещением, что я не сразу заметила сидящих вокруг него трех парней и двух девушек.

Они отреагировали на мое появление по-разному: один парень даже не поднял головы от тарелки, в которой что-то ковырял; второй отвлекся от созерцания чего-то за окном и посмотрел на меня нечитаемым взглядом; третий сидел на полу и, прижимая к носу платок, зло посматривал на всех в комнате. Девушки в поисках поддержки жались друг к другу и нервно вздрогнули, стоило им увидеть форму моего провожатого. А тот завел меня внутрь и оставил.

Я застыла на месте, не в силах решиться сделать еще хоть шаг. Вид накрытого праздничного стола бил по нервам не хуже напряженной атмосферы, повисшей в комнате.

– Угощайся! – внезапно зло улыбнулся сидящий на полу вихрастый парень и приглашающе повел рукой. – Чего стоишь?

Я с отвращением посмотрела на еду и прошла к окну. Мне казалось, нас должны были поместить в какие-нибудь казематы, но мы находились на третьем этаже Дворца. Из окна был виден краешек двора и сад, в котором всюду цвели яблони.

– Красиво... – сорвалось с моих губ.

– Скоро за нами придут и отвезут к стене, – внезапно сказал мой сосед по созерцанию красот за окном – худой высокий блондин с почти прозрачными льдистыми глазами. – Ты готова умереть?

Я вздрогнула:

– Нет.

– Ты debil? – бросил парень с пола и зло отшвырнул от себя окровавленный платок.

– Нет, я мутант, – спокойно ответил ему блондин, не оборачиваясь.

– Да все мы тут мутанты, м-м-мать! – он внезапно подскочил с места и бросился к столу. Попытался его опрокинуть, но у него ничего не вышло – он был привинчен к полу. Тогда он начал все с него сметать. По комнате разлетелся звук разбивающейся посуды.

– Я вообще-то ем! – пробасил плечистый парень за столом и заехал вихрастому в нос.

У того снова брызнула кровь.

– М-м-мать! – опять выругался вихрастый и бросился с кулаками на обидчика.

Девчонки завизжали, и в комнате тут же появились охранники, которые несколькими ударами по почкам быстро разняли драчунов и вышли.

Вихрастый снова сел на пол, опустил голову к коленям, и плечи его затряслись. Я хотела бы что-то сказать, но чем я могла его... их всех, и себя в том числе, утешить?

Широкоплечий сел за стол и продолжил прерванную трапезу.

Примерно через час нас отвезут к стене, и начнется ежегодная Большая охота. А мы будем главным ее атрибутом – дичью.

Как только у нас обнаружили мутаген, нам отказали в праве быть человеком. Вот так просто: раз – и ты уже не человек, и с тобой можно делать что угодно.

Как сегодня сказал Лекс? Бегун – это не человек, это мутант, на котором просто все еще накинута человеческая шкура, которая вот-вот с него сползет.

Я посмотрела на свои руки, повертела их перед собой. Почему же с меня до сих пор не сползла эта шкура и почему я все так остро чувствую? Почему мое сердце рвется на части из-за предательства тех, кому я доверяла, и где то самое безумие, в котором утопает мозг мутанта? Я бы сейчас от него не отказалась.

Я снова отвернулась к окну и стала рассматривать цветущие яблони. Белые лепестки трепетали на легком весеннем ветру. И мне показалось, что удалось почувствовать их почти неслышный аромат.

Они отказали мне в праве считаться человеком, но от этого я в чудовище не превратилась. И вообще, что бы ни случилось, а я буду держаться за свою человеческую сущность до конца. «Дичь» еще покажет зубки. Я не дам себя

просто так убить, не буду покорно ждать гибели, как барашек на заклании! И пусть все считают меня чудовищем, но я – человек, и докажу это!

Я расправила плечи и вздернула подбородок. Парень, стоявший рядом, хмыкнул и внезапно представился.

– Меня зовут Карад.

– Мэй.

– Пошли немного перекусим. У нас будет очень трудный день.

Я посмотрела ему в глаза и увидела человека, который тоже не желает сдаваться обстоятельствам.

– Ты прав, нам понадобятся силы.

Глава 4. Большая охота

Нас вывели из темного нутра бронированной машины, и по глазам сразу резанули лучи послеобеденного солнца. Гул толпы, приглушенный стенками автомобиля, ударил по ушам с новой силой, а когда нас заметили, он стал почти нестерпимым.

Я смотрела на беснующуюся вокруг толпу и не видела людей – лишь сплошную массу, требующую зрелищ и нашедшую тех, на кого можно излить свою ненависть, боль и страх. Нас обступили десяток охотников, которые будут нас загонять и убивать ей на потеху.

Среди охотников был и Лекс. Он упорно не смотрел на меня.

В голове снова всплыли слова бабушки: «Человек – не человек... Такой – не такой... Да какие они сами люди после этого?!». Эх, увидеть бы ее сейчас и

маму...

Но даже если они сейчас где-то наблюдают за мной и хотят привлечь к себе внимания – это бесполезно, ведь толпа не имеет лица.

Нас поторопили тычками прикладов в спины, и мы двинулись вперед, к воротам. По обеим их сторонам на широкой стене восседали отцы-основатели – пятеро мужчин, когда-то сделавших этот город оплотом спокойствия и благоденствия и которые с тех пор каждый год приговаривают подростков, у которых нашли мутаген, к смерти.

– Уважаемые жители Ковчега! – встал с кресла отец Квентин – высокий привлекательный брюнет средних лет с аккуратной бородкой. – Сегодня был очень важный день, который определил судьбы многих молодых людей. Они будут трудиться на всеобщее благо и, несомненно, сделают наш город лучше и прекраснее! Вы только взгляните на их счастливые лица! – отец Квентин повел рукой, и огромные экраны, установленные по обе стороны от ворот, вспыхнули кадрами счастливых подростков, которые выходили утром из Дворца Благоденствия с улыбками. – И чтобы их лица и дальше сияли счастьем, и они с таким же энтузиазмом продолжали смотреть в будущее, мы должны жестко выпалывать молодую, но больную поросль, которая может уничтожить все, что нас окружает! И да будет так! – Он поднял вверх кулак.

Толпа неистово поддержала своего лидера, и я испугалась, что она прорвет сдерживающий заслон и растерзает нас прямо здесь.

Следующим слово взял бессменный ведущий этого мероприятия – невысокий полный мужчина с завитыми и уложенными в невероятную прическу белыми волосами в аляпистом костюме, который переливался всеми цветами радуги. Так вызывающе безвкусно и ярко выглядеть в Ковчеге разрешалось только господину Гримграсу, а вот его подражатели жестоко высмеивались и осуждались. Он маленьким мячиком заскакал по стене, рассказывая о главном сегодняшнем событии и произошедших забавных случаях. Народ немного успокоился и расслабился, и тогда он обратил внимание на нас.

Во время Большой охоты не принято вспоминать, из какой семьи вышли жертвы, потому что они автоматически вычеркивались из всех метрик и хроник, будто их и не было никогда. А вот обсудить внешний вид «чудовищ» и поиздеваться над

ними – это всегда пожалуйста.

Только на этот раз этого почему-то не случилось. Его подозвал к себе отец Берган и что-то сказал. Показалось, что в этот момент он посмотрел на меня и я вздрогнула.

Выслушав отца-основателя, веселый толстячок всплеснул руками:

– ...Настало время выгнать из нашего стада паршивых овец! И да начнется Большая охота!

Раздался сигнал гонга, и ведущий раскинул руки, будто дарил присутствовавшим величайшее из благ и безумно этим гордился. Широкая улыбка не сходила с его лица.

Люди на стенах взорвались овациями и одобрительными топотом и свитом.

Огромные городские ворота начали медленно открываться.

В последнее время они мне часто снились, как и дикие крики толпы, посылавшей меня и еще пятерку неудачников на смерть. Я просыпалась в холодном поту и даже плакала от облегчения, что это мне только привиделось и никогда ничего подобного со мной не случится.

Но сейчас это был не сон – ворота города, за которые я никогда в жизни не выходила и которые оберегали жителей благословенного Ковчега, открывались, а стоявшие позади охотники приготвились вытолкать тех из нас, кто не поторопится выйти сам. А дальше...

...будет охота. Охота на нас.

Я гипнотизировала ворота взглядом, ожидая, когда створки откроются настолько, чтобы можно было выбежать. И все же не удержалась и обернулась.

Лекс... Еще утром – а кажется, что уже годы назад – мне казалось, что я влюблена в него. Что он отвечает взаимностью... Когда-то мне многое казалось... Сейчас же он стоял в строю тех, кто будет загонять меня, как животное, на

потеху толпе.

У меня осталась лишь одна надежда – выскользнуть отсюда первой и бежать! Бежать так быстро, чтобы успеть скрыться в подлеске до того, как закончатся традиционные три минуты форы. А там...

Лучше умереть от лап чудовищ, чем от рук тех, на защиту кого полагалась всю жизнь и кто это доверие предал.

«Беги к воде – она скроет следы. Следуй за зеленоглазым, не бойся. И помни: все лгут! Дар – это не плохо. Дар – это дар. А ложь душит тех, кто ею живет».

Бабушка знала... Она точно знала, что будет именно так, и ничего не могла с этим поделать. Что ж, пусть исполнится ее пророчество, и ложь отцов-основателей их когда-нибудь задушит – я не отказалась бы на это посмотреть.

Ворота открылись достаточно, чтобы в щель можно было проскользнуть. Переглянувшись, мы с Карадом рванули вперед.

До ближайшего подлеска было недалеко, всего метров сто. Раньше было больше, гораздо больше, но с каждым годом лес все ближе подкрадывался к стенам города. И теперь у нас были все шансы успеть скрыться от охотников.

Мы с Карадом вырвались вперед, следом бежали вихрастый, одна из девушек и бугай. Другая девушка осталась у ворот и кричала, срывая голос и размазывая по лицу слезы:

– Я не мутант! Я человек! За что?! Пощадите! Вы же люди!

Я от ее слов лишь припустила быстрее. Ждать пощады от толпы или отцов-основателей, один из которых так хладнокровно отправили меня смерть? Ну уж нет!

Некоторое время мы бежали по небольшой тропке, вытоптанной, наверное, охотниками, но делать это и дальше было глупо, и, как только стало возможно, нырнули в чащу леса.

Как раз в этот момент раздался выстрел, а крики девушки, просящей пощады и человечности, сменились ликующим воем толпы...

На миг мы застыли, переглянулись. Вихрастый ломанулся глубже в гущу зарослей, а бугай побежал дальше по тропке. Девушка побежала за нами, но зацепилась широкой юбкой за сухостой и застряла, пытаюсь ее отцепить.

В этот момент я от души поблагодарила бабушку, которая не дала мне нарядиться в платье и туфли – аккуратные ботинки на небольшой платформе сейчас оказались как нельзя кстати.

– Ай! – не успела я порадоваться этому, как зацепилась за ветки ели длинными волосами.

Карад обернулся, но я уже рванула за пряди, высвобождая их и оставив клочок на ветке. Перехватила волосы одной рукой и продолжила пробираться вперед. Резинки у меня, к сожалению, с собой не оказалось, и я только сейчас подумала о том, что нужно было поискать хотя бы какой-нибудь лоскут ткани и перевязать им волосы.

Мы наткнулись на овраг с лужей на дне, пришлось его огибать, а когда оказались по другую сторону, услышали выстрел и женский вскрик. Я сглотнула и, больше не оборачиваясь, побежала за Карадом – он прокладывал нам путь.

Немного спустя раздалась целая очередь выстрелов, которая подстегнула нас двигаться еще быстрее. Прозвучали они в стороне, но это не значило, что охотники не шли по нашему следу.

Большая охота редко длилась дольше пары часов. Все происходило быстро и жестоко. А как иначе? Что могли противопоставить безоружные и не подготовленные к такому повороту жизни подростки обученным охотникам? И эта мнимая фора в три минуты – просто насмешка над жертвами, чтобы не пришлось их долго искать.

Новые выстрелы раздались уже недалеко от нас. Похоже, в живых остались только я и Карад. Мы молча обменялись взглядами и, не сговариваясь, припустили еще быстрее, стараясь быть бесшумными, насколько это вообще было возможно в лесу. Под кронами высоких разлапистых деревьев подлесок

был негустой, пробираться по нему было гораздо легче, но и догнать нас становилось гораздо проще. Хорошо, в этом году наступила ранняя весна, и листья на деревьях успели распуститься, скрывая нас от преследователей зеленой дымкой.

Я шарахнулась от выстрела, раздавшегося совсем рядом, запнулась и полетела в очередной овраг. Карад, пригнувшись, застыл, глядя на меня со страхом и беспокойством – мы понимали друг друга без слов, и я видела, что он тоже понял, что стреляли в нас.

С трудом встала, и парень помог мне выбраться из овражка. Я посмотрела на сбитые в кровь ладони и перепачканную белую одежду. И пожалела, что испачкала ее так мало, недостаточно, чтобы стать незаметной. А вот у Карада одежда больше подходила для прятков в лесу, он был почти незаметен на фоне кустов.

Об этом же подумал и Карад.

– Прости, но с тобой мне не убежать. Здесь наши пути расходятся, – очень тихо сказал он с сожалением и скрылся, мгновенно растворившись в чаще.

Несколько драгоценных секунд я пыталась отдышаться и осознать, что теперь совсем одна. Я не осуждала парня – здесь каждый сам за себя, он и не должен был мне ничего с самого начала, но все равно вел меня по лесу все это время и поддерживал одной своей решимостью выжить. А потому сейчас я застыла в растерянности.

Наверное, только поэтому сквозь шум крови в ушах расслышала тихий плеск воды впереди.

«Беги к воде – она скроет следы» – молнией мелькнули в голове слова бабушки, и я рванула на звук.

Неширокий и неглубокий – по щиколотку – ручей обнаружился почти сразу за кустами, и я, не раздумывая, ступила в холодную воду и побежала вниз по течению. Но очень скоро поняла, что не то что бежать, а даже идти в ледяной воде по илистому дну и порожистому течению – плохая идея. С горечью подумала, что городской девочке выжить в лесу нереально, но тут же отогнала

эти мысли. О каком выжить в лесу может идти речь, когда цель сейчас стоит просто выжить?!

Пришлось выбираться на другую сторону ручья. Зубы отбивали чечетку, но я стиснула челюсти и продолжила пробираться по его берегу. Мне казалось, что у ручья безопаснее. По крайней мере так я была уверена, что иду вперед, а не плутаю по лесу, возвращаясь назад прямо в руки охотников.

Чем дальше я шла, тем больше маленьких ручейков вливалось в речушку, вдоль которой лежал мой путь.

Не знаю, действительно мне удалось запутать следы, или охотники увязались за Карадом, но следующие полчаса я пробиралась по лесу, не слыша погони. Для жертвы в Большой охоте это большое достижение.

Я невесело усмехнулась. За всю историю Ковчеха жертвам всего пару раз удалось убежать от охотников, и было это очень давно. Как только охотники поймут, что не могут найти бегуна, в небо поднимут дроны, которые будут облетать лесной массив в поисках жертвы. Конечно, засечь беглеца в лесу непросто, но дроны имеют шансы на успех. Идеальным для меня было бы в ближайшие час-два найти какое-нибудь более-менее надежное укрытие и пересидеть там до утра – бродить ночью в лесу опасно. Днем опасности тоже никуда не денутся – приносят же охотники с вылазок безобразные туши чудовищ, – но сейчас я хотя бы могу их увидеть, а ночью даже просто подвернуть неудачно ногу – раз плюнуть.

Я снова невесело усмехнулась. Оказывается, я неисправимая оптимистка: уже думаю о ночевке, хотя Большая охота в самом разгаре.

За невеселыми мыслями не сразу обратила внимание на усилившийся шум воды – речушка превратилась в широкую, хоть и мелкую каменистую речку, и я шла по самому ее краю, хоть и приходилось быть аккуратной, чтобы не поскользнуться – лезть в кусты дальше от берега не хотелось. Я прибавила шаг и скоро поняла, что плато впереди резко обрывается, образуя водопад.

Я застыла, глядя на обрыв и не зная, что делать, но решила все же подойти поближе к краю, чтобы осмотреть окрестности и оценить, где лучше спуститься.

С каждым шагом шум воды усиливался, как и опасность соскользнуть в бурлящий поток. Пришлось продираться сквозь кусты чуть выше от берега. На краю обрыва я выдохнула, выбравшись, наконец, на не заросший каменистый уступ.

Дыхание перехватило от открывшейся взору красоты: внизу раскинулось синее озеро, с высоты похожее на блюдце. Камни по его краям образовывали «корону», а ближе к середине оно было темно-синим, намекая на большую глубину. Сам водопад утопал в белой дымке брызг и переливался в лучах вечернего солнца. Такой красоты мне еще не приходилось видеть, и я застыла, любуясь и проникаясь ею.

Что-то заставило меня обернуться. Бывает так: стоишь и вдруг резко без причины оборачиваешься и обязательно сталкиваешься с чьим-нибудь внимательным взглядом.

Я встретила взглядом с Лексом.

Он стоял на противоположном берегу метрах в тридцати и сжимал в руках пистолет.

Кровь застучала в висках, дыхание перехватило, а на глаза навернулись непрошенные слезы. Столько убежать, чтобы все равно попасться... и кому? Разве еще утром я могла предположить, что мой парень может стать моим палачом?

Я смотрела, как он медленно поднимает руку с зажатым в ней пистолетом, как направляет его на меня, и не могла поверить, что это происходит. Казалось, время замедлило бег. Ноги будто приросли к земле, а в голове билась лишь одна мысль: «Не верю... Не могу поверить...».

Внезапно кусты рядом с Лексом зашевелились, и из них вышел другой охотник. Он быстрым цепким взглядом оценил представшую перед ним картину и, усмехнувшись, сказал ему что-то подбадривающее. Но Лекс, покосившись на него, продолжал стоять, направляя на меня пистолет, и я видела, как он кусал губы.

Тогда второй охотник покачал головой и вскинул свой пистолет.

Неужели все?

Меня качнуло назад, сердце бухнуло в ушах. Я испугалась, что сорвусь с обрыва. Застыла на месте боясь шелохнуться и неотрывно смотрела на охотников. Знала, что кто-то из них выстрелит, и все равно не могла сделать и шагу.

Охотники не спускали с меня взглядов, и старший явно инструктировал Лекса, заставляя выстрелить и так увлекся, что перестал смотреть на меня. Лекс сосредоточенно ему внимал и будто ушел в себя, перестал кусать губы и сжав их в тонкую линию.

Внезапно он опустил руку. Я смотрела на него с неожиданно вспыхнувшей надеждой и благодарностью. Вот только взгляд у него был так холоден и безэмоционален, что я поняла – обрадовалась рано. Старший охотник понаблюдал за мной с усмешкой и внезапно сделал приглашающий жест рукой с пистолетом. Я непонимающе на него посмотрела, и он кивнул, подтверждая, что я не ошиблась – он не будет прямо сейчас меня убивать, а приглашает подойти.

Я окинула взглядом ухмылявшегося мужчину, своего бывшего парня, который только что набирался смелости меня убить, и поняла, что к ним идти нельзя. Не знала, что они задумали, но мне это явно не понравится. А после общения с отцами-основателями в голову лезли такие мысли, что хотелось броситься вниз с обрыва немедленно.

Я обернулась, посмотрела на острые камни у подножия водопада, снова повернулась к охотникам. Глядя на гаденькую улыбочку старшего и холодный взгляд Лекса, я верила в то, что если попаду к ним в руки, то пожалею, что не получила пулю в лоб.

Уступ, на котором я стояла, довольно широк, нырнуть в заросли я бы точно не успела, да и недалеко бы убежала от пули или тренированных охотников. Мне не оставалось ничего иного, как идти к ним.

Дойдя до конца уступа, я посмотрела в глаза Лексу. Показалось, что нас и не разделяют эти метры, сморгнула последнюю слезу по этому парню и, резко развернувшись, рванула к краю пропасти. Я не хотела умирать. Я хотела жить. Глупая надежда, что я смогу от них сбежать, прыгнув в водопад, билась на краю

сознания, и я прыгнула.

Раздался выстрел и злой недоуменный возглас старшего охотника, относившийся точно не ко мне:

– Ты что творишь?!

Я еще успела с горечью подумать, что Лекс все же решил меня убить, когда по ногам ударила водная гладь.

Холодная вода обдала, словно кипятком, аж дыхание перехватило, тело сковало, и я камнем погружалась на глубину. Промелькнула мысль, что мне все же удалось перелететь острые камни, вот только как теперь выплыть, ведь плавать я не умею, еле-еле держусь на воде. В детстве несколько раз ходила с родителями в бассейн, но потом его закрыли.

Распахнула глаза, чтобы определить, где поверхность, и начала усиленно грести руками. Вот только воздуха в легких становилось все меньше, а поверхность, казалось, не приближалась – холод сковывал движения, паника душила, а когда краем зрения я увидела метнувшуюся ко мне откуда-то сбоку тень, из горла вырвался беззвучный крик, из-за которого я потеряла остатки воздуха в легких, а потом сделала вдох...

Глава 5. Все еще жива?

– Дыши! Дыши же! Я что, зря лез из-за тебя в холодную воду? – услышала я рассерженный мужской голос, когда сознание ко мне вернулось.

А потом меня вырвало водой.

Никогда не думала, что в человеке может поместиться столько жидкости.

Позади меня облегченно выдохнули, и я полуобернулась.

Рядом сидел темноволосый парень, с которого, как и с меня, ручьями стекала вода. Он устало облокотился о колени и прикрыл глаза.

– Пришла в себя? Пошли, нужно убраться отсюда как можно скорее, – и посмотрел вверх.

Я проследила за его взглядом и вздрогнула, осознав, что еще ничего не закончилось. Я прекрасно понимала, что охотники обязаны убедиться в моей смерти, а еще помнила, что они должны предоставить снимок, а лучше видео мертвой жертвы, и срезать с ее руки лоскут кожи со штрихкодом, который присваивается каждому жителю города с рождения и набивается в одиннадцать лет на его предплечье. Этот код служит паспортом, удостоверяющим личность, пропуском в другие секторы, на работу и даже в магазин. Так в Ковчеге заботятся о безопасности жителей и соблюдении социальных норм поведения.

Незнакомец встал, метнулся за оставленными невдалеке ботинками, курткой и рюкзаком, быстро, почти на ходу, обулся и помог подняться мне. Только вот у меня сил идти не было совсем. Ноги подкосились, и я повисла на нем всем весом. От неожиданности парень крикнул, но удержал меня и буквально поволок по камням к кромке леса.

Кто он такой? Откуда здесь появился? Почему помогает? Эти вопросы, наверное, должны были меня волновать, но сейчас я думала только о том, чтобы поскорее затеряться в лесу.

На плечи легла его сухая куртка, и я благодарно сказала:

– Спасибо.

Но он на это ничего не ответил, лишь дернул краешком губ в намеке на улыбку.

То ли благодаря сухой куртке на плечах, то ли я просто пришла в себя, но скоро силы начали ко мне возвращаться, и я отлипла от парня и уже шла самостоятельно. Вот только понимала, что далеко так не уйду. Меня начинала бить крупная дрожь. Тело требовало хоть немного тепла и поскорее снять мокрую одежду – никакие растирания руками не помогали почувствовать даже тень тепла, а куртка на плечах вскоре тоже напиталась влагой и уже не грела.

– Потерпи немного, скоро будет убежище, – парень поглядывал на меня с беспокойством и все время пытался помочь идти. Но я не хотела быть обузой. Только не сейчас. Я уже была обузой, и Карад меня бросил. Что делать, если меня сейчас оставит и этот странный парень, я не представляла. Разве что скрутиться калачиком под каким-нибудь деревом и попытаться хоть так сохранить крохи тепла.

Мысль показалась такой заманчивой, что я начала присматривать удобное местечко.

Словно угадав эти мысли, парень, несмотря на протест, все же приобнял меня за плечи и начал подталкивать вперед. Наверное, еще пару часов назад я бы от него шарахнулась, смущенная такой близостью, но сейчас лишь теснее прижалась. От него шло такое желанное тепло, что у меня не было никаких сил отстраниться.

Как мы дошли до совершенно незаметной со стороны землянки, я помнила смутно и урывками. Пробираться в нее пришлось, согнувшись пополам. Внутри было сумрачно, но тени предметов различить все же было возможно. Свет шел из небольшого продолговатого окошка под низким потолком, но и он скоро пропадет – вечер уже почти наступил.

– Вот, посиди тут. Я сейчас.

Парень усадил меня на какой-то грубо сколоченный топчан, а сам нырнул в лаз наружу. Сразу стало жутко холодно и страшно. Зубы застучали с новой силой, я обхватила себя руками, но это совершенно не помогало. Мной овладело какое-то оцепенение, которое никак не удавалось с себя скинуть. В какой-то момент показалось, что парень меня все же бросил, как Карад, но сил расстраиваться не осталось.

Когда он все же вернулся с большой охапкой хвороста, я не поверила своим глазам, а когда он сложил его в специальную выемку в полу и поджег искрой, скользнувшей прямо из его руки, подумала, что у меня начинаются галлюцинации.

– Потерпи немного, сейчас здесь станет теплее.

С каждой секундой пламя разгоралось все сильнее, и я протянула к нему руки.

«Как же хорошо...» – мысленно выдохнула, ощущая, как начинают от тепла покалывать пальцы, и даже глаза прикрыла, наслаждаясь этой болью. Звучит странно, как можно наслаждаться болью? Но сейчас я готова была обжечься, лишь бы согреться еще хоть немного.

Я услышала, как рядом чертыхнулся парень, и открыла глаза. Правда, сразу же захотела снова их закрыть, потому что он уже успел снять с себя кофту и тянул через голову липнущую к телу майку. Стянув ее, наконец, увидел мой испуганный взгляд и взъерошил темные волосы.

– Одежда вся мокрая. Если оставаться в ней дальше, можно заболеть. Ты тоже раздевайся. У меня есть сухое сменное белье, – и тут же принялся рыться в своем рюкзаке. – На вот, – он протянул мне бежевую майку и начал расстегивать ремень на своих темно-зеленых брюках.

До меня дошло, что парень сейчас полностью передо мной разденется! Щеки вспыхнули – и откуда только в теле нашлось столько тепла, чтобы их зажечь румянцем? – и я тут же отвернулась, комкая в руках майку.

– Послушай, – парень явно подбирал слова, – нам правда нельзя оставаться в этой одежде. Ее нужно высушить. Я сейчас натяну здесь веревку, и к утру все успеет просохнуть. Поверь, если ты так и останешься сидеть в мокром, в скором времени наши голые задницы для тебя вообще перестанут иметь значение.

– П-почему? – внезапно вырвалось у меня.

– Потому что мертвому все равно! А в нашем случае подхватить воспаление легкие – раз плюнуть. Да и не нужны мне твои прелести! Чего я там не видел? – закончил он почти зло. – Ну?!

– Что ну?

Я понимала, что он прав, но...

– Раздеваться будешь? Или ждешь, когда заболеешь?

– Буду, – буркнула я. – Отвернись, – покосилась на него.

Парень стоял в одних сухих боксерах и привязывал к вбитому в стену крюку тонкую веревку.

– Я не смотрю, – продолжил он возиться с ней.

Я скинула с плеч куртку, постоянно косясь на парня, содрала с себя противно льнящую к телу кофту, мокрый лифчик и быстро надела сухую футболку. Не глядя на меня, парень протянул веревку к противоположной стене и начал привязывать ее к другому крюку.

До этого я никогда не была в более дикой и дезориентирующей ситуации. Но все же встала и начала стаскивать с себя штаны. Трусики хотела оставить, но они показались такими противными в сравнении с сухой майкой, что я не выдержала и, дико смущаясь, все же сняла и их. Утешало только, что майка оказалась такой большой, что я в ней утонула, и она надежно прикрыла все, что нужно.

На самом деле я не была такой уж стеснительной в плане демонстрации своего тела – готовилась же стать гурией. В каких только костюмах нам ни приходилось танцевать, где только мы ни переодевались, иногда даже в одной костюмерной с мальчишками. Но там это было частью представления, вернее, подготовки к нему. А здесь я находилась наедине с незнакомым парнем в какой-то непонятной землянке!

Я выдохнула и присела, комкая в руках трусики. Но ведь он сказал только что, что я ему не интересна как девушка. Сказал же? Может, все обойдется? В любом случае, я понимала, что жива сейчас только благодаря ему, и не собиралась впадать в истерику. Все истерики должны остаться там – за стеной города, а здесь нужно выживать, и я не хочу, чтобы и этот парень решил, что ему проблемы из-за меня совсем ни к чему.

Внезапно парень длинно сокрушенно выдохнул и посмотрел на меня в упор. Сделал два шага навстречу и присел на корточки напротив, заглядывая в глаза. Я только сейчас вгляделась в них по-настоящему и удивилась их глубокому зеленому цвету. Пожалуй, при определенном освещении они даже могут показаться черными. Никогда таких не видела!

– Послушай, я не собираюсь делать ничего такого. Поверь, у меня и так проблем выше крыши, чтобы еще связываться со вострепанными чуть живыми малолетками. Усекла?

– У-усекла, – кивнула я, не в силах отвести взгляда от его необычных глаз.

– Вот и хорошо, – и посмотрел на трусики в моих руках. – Повесь их над огнем. Они быстро высохнут, и сможешь их надеть.

Как только смысл его слов до меня дошел, щеки снова опалило жаром, и я поспешила перевести тему разговора:

– Послушай, а нас здесь охотники не найдут? Не думаю, что они не смогут пройти по нашим следам. И дым этот...

– Эта землянка построена очень грамотно. Дым от нашего костра стелется по самой земле и не привлекает внимания. А искать нас сегодня уже не будут.

– Почему?

– Уже вечер, а никто в своем уме по лесу в темноте ходить не станет. А вашим охотникам еще нужно успеть вернуться в город.

– Откуда ты знаешь?

– Что именно?

– Ну что я и охотники из города?

– Тоже мне великая тайна, – хмыкнул он, и его глаза в свете костра блеснули яркой зеленью. – Все ходоки знают, что из-за этой вашей Дикой охоты в эти дни рядом с городом лучше не появляться.

– Большой охоты, – автоматически поправила я.

– Тебе видней, – хмыкнул парень.

- А почему ты оказался здесь?

- Это мое дело, - отрезал он, помрачнев.

Встал, прошел к узенькому окошку и прикрыл его с нашей стороны дощечкой, чтобы свет не проникал наружу.

- Ты меня здесь не бросишь? - сглотнув, тихо спросила я.

Его широкие плечи, перетянутые жгутами мышц, опустились, но он не обернулся:

- Не брошу. Выведу к ближайшему поселению, а там сама будешь решать, куда тебе идти.

- Спасибо. За все...

Он дернул плечом и снова зарылся в свой рюкзак.

- На вот, пока укутайся. Только предупреждаю: я мерзнуть без одеяла ночью не собираюсь. Или отдашь его мне, или подвинешься.

Я кивнула, повесила свои многострадальные скомканные трусики над костром и, смутившись окончательно, закуталась в тонкий шерстяной плед.

Тем временем зеленоглазый пошарил под соседней лежанкой и вынул две рогатины с палкой. Установил их по бокам от кострища и подвесил выуженный из того же рюкзака котелок, в который залил воду из пластиковой бутылки.

- У нас будет чай?

Я чихнула, продолжая сотрясаться от дрожи, которая и не думала отпускать.

- Сейчас заварю сбор трав. Надеюсь, к утру от простуды ничего не останется. Он хорошо действует.

Я в это верила слабо, но предвкушение того, что совсем скоро я попью горячего, уже согревало мое промерзшее тело.

– А как тебя зовут? – я вспомнила, что до сих пор так и не узнала имени своего зеленоглазого спасителя.

– Ник.

– Мэй.

– Что ж, будем знакомы, – хмыкнул парень и криво улыбнулся.

Интерлюдия вторая. Лекс

Лекс стоял рядом со старшим охотником, смотрел на пустой обрыв и не верил, что Мэй прыгнула. То, что он подбил руку старшего, не дав выстрелить ей в спину, до него дошло не сразу, и возмущенный окрик застал его врасплох.

– Что ты творишь, щенок?! – шипение охотника заставило его вздрогнуть и осознать масштаб проступка, который он только что совершил.

Этот день Выбора потряс его на столько, что он до сих пор не мог прийти в себя и понять, что на самом деле он чувствует к девушке, которую еще утром мечтал видеть своей парой и которую уже через пару часов после церемонии возненавидел всей душой.

Она его обманула! Предала его доверие! Все это время она прятала свою порочную сущность, притворялась человеком и теперь заставила его страдать! Именно поэтому он с таким ожесточением гонялся за ней во время охоты. Ни за кем другим, а именно за ней.

Он шел по ее следу, как зверь, движимый инстинктами. Даже когда понял, что ее след обрывается у ручья, лишь повел носом по воздуху и на чистой интуиции

пошел в нужном направлении. И шел так до тех пор, пока не увидел ее здесь, у обрыва.

Первым порывом было выстрелить и отомстить ей за боль и разочарование, разрывавшие его сердце. Но она стояла перед ним такая напуганная, такая хрупкая и, черт возьми, дико желанная, и он не мог заставить себя выстрелить. Стоял с наведенным на нее стволом и не знал, что делать. Не может монстр ТАК смотреть. Ее взгляд выворачивал ему внутренности, будто это не она притворялась человеком, а он чудовище, которое ее предало и собирается убить!

Но ведь это не так! Ему рассказывали совсем иное! Предупреждали от таких вот мыслей и опасности увидеть в бегунах людей, а не монстров, которыми они на самом деле являются.

Но все эти рассуждения разбивались об один ее взгляд...

Рассуждать здраво и привычно, упираясь в него, было невозможно. То, что казалось непреложным, вдруг не находило отклика в душе, а рассуждения сбились, заставляя палец на курке дрожать.

Когда рядом появился старший охотник, Лекс даже не понял, какие чувства на самом деле испытывает: дикое облегчение, что кто-то другой сможет взять на себя ответственность за убийства монстра по имени Мэй, или такую же дикую панику от того, что он ее сейчас убьет. А когда тот начал уговаривать подождать с убийством девушки и – более того – помочь переправить ее в Ковчег для опытов, он просто подвис.

– Ну же! Убить ее мы всегда успеем, а отцы-основатели хотят провести какой-то там опыт, который может замедлить или даже прекратить мутацию.

«Замедлить или прекратить...» – эти слова вихрем ворвались в его сознание, разметав все мысли. Он вообще перестал понимать, как ему относиться к Мэй, а потому, как учили в академии, постарался выключить чувства и просто следовать приказам старшего.

Только сама Мэй играть по правилам не захотела. Наверное, эта ее порывистость, решительность и хрупкость и привлекли его, когда он впервые

увидел ее на сцене.

– Я... Я н-не хотел, – наконец, ответил он на гневные выпады старшего охотника, которыми тот продолжал сыпать.

– Не хотел он! А теперь нужно спускаться вниз и искать эту тварь! А вдруг она выжила? Прикажешь и дальше бегать за ней по лесу?! Между прочим, нам уже нужно торопиться! Встречать ночь в лесу я не собираюсь!

– А... А как же опыты?

– Опыты?! Да пошли эти... опыты, знаешь куда?! – охотник зло сплюнул. – Я не собираюсь рисковать из-за них своей жизнью! Думаешь, эти прогулки по лесу такие безопасные? Это ты еще норлока не встречал, я уже не говорю про гризлера, иначе сейчас по-другому бы пел. Вот пришла бы девчонка нормально – отвели бы ее куда надо, глядишь, осталась бы жива. А так еще бы и завтра не пришлось за ней по лесу гоняться! – старший охотник снова сплюнул. – И, кстати, я о твоей промашке рассказать не забуду, так что не рассчитывай, что твоя выходка сойдет тебе с рук, новичок, – последнее слово он презрительно выплюнул и пошел к обрыву, чтобы оценить ситуацию.

Лекс, повесив голову, шел за ним следом. Не так он представлял себе свой первый выход за стену и такую долгожданную первую охоту. Его теперь ждет как минимум переаттестация. Отец, конечно, прикроет, но выход за стену Лексу теперь точно светит нескоро.

– Что за хрень?! – парень вынырнул из своих переживаний и проследил за взглядом охотника.

Они уже подошли почти к самому обрыву, но мужчина смотрел не вниз, на озеро, где Лекс ожидал увидеть распластанное на камнях тело Мэй, а на кромку леса.

И то, что Лекс увидел, заставило его похолодеть от ярости – его Мэй скрывалась в кромке леса с каким-то хмырем! Откуда он вообще взялся и как смеет так тесно прижимать его девушку к себе?! Логические мысли о том, что теперь она вообще-то чудовище, а не его Мэй, и что он совсем недавно намеревался собственноручно ее убить, как-то вышибло из его головы. С логикой у него сегодня вообще были большие проблемы. Но он точно знал, что никому не

позволит вот так ее прижимать! Никому! А потому догонит и убьёт. Кого? Неважно. Главное – догнать! А там разберется.

Он уже развернулся, чтобы найти спуск, как в его плечо впились сильные пальцы.

– Эй-эй! Ты на солнце для начала посмотри! Я понимаю твоё рвение, – гаденько ухмыльнулся охотник, – но помирать из-за твоей излишней ретивости не собираюсь...

– Я сам!

– ...как и нести ответственность за твою смерть, – угрожающе закончил старший фразу.

– Но я должен...

– Никуда они от нас за ночь не денутся. – Лекс от этих слов дернулся, но охотник еще сильнее впился пальцами в его плечо. – Завтра найдем или их трупы, или следы. К тому же нам в помощь выделяют дроны, а сейчас поздно. Мы и так далеко ушли от города, а в этой части леса у нас оборудованных убежищ нет. – Лекс понимал, что охотник прав, но не мог вот так просто уйти. – Послушай, парень, – правильно понял его нежелание уходить старший – давай так: я замолвлю за тебя словечко, чтобы завтра тебя выпустили на поиски вместе с командой, но сейчас ты берешь ноги в руки и шагаешь в город. Идет?

Лекс пристально посмотрел ему в глаза и кивнул.

Несмотря на сумятицу в мыслях и чувствах, он понимал, что усугублять свое положение нельзя. А Мэй... он найдет ее. Носом будет рыть землю, но найдет.

Интерлюдия третья. Отцы-основатели

Берган сосредоточенно смотрел в окно и сжимал губы в бессильной злости. Ноздри его подрагивали, а руки были сложены на груди.

Младший из отцов-основателей Гардеон, напротив, и не думал скрывать свои эмоции. Он ходил по кабинету брата из стороны в сторону и порывивал:

– То есть как ты ее упустил?! Скажи мне, а? Вот как?! Как можно было упустить обычную девчонку?!

– Там был водопад, она прыгнула... – попытался оправдаться застывший навтыяжку охотник, не ожидавший, что начальство так сильно разозлится из-за какой-то девки.

– Да хоть два! Ты хоть понимаешь, кого упустил?! – не проникся оправданиями шатен.

– Гардеон, успокойся. Мне кажется, ты несправедлив к молодому человеку, – раздался чуть укоризненный голос, и из сгустившейся в углу тени, где пряталась небольшая дверь, вышла высокая очень худая женщина с зачесанными в жесткий пучок светлыми волосами. – Дай ему рассказать, что случилось.

Расслабившийся после ее первых слов охотник, разглядел говорившую и тяжело сглотнул образовавшийся в горле ком страха.

– Госпожа Мирэк... – тут же уважительно склонился он перед женщиной, которую в Ковчеге в равной степени любили и боялись.

– Здравствуй, Майкель. Так что же случилось? Почему ты не смог привести девушку обратно в Ковчег?

– Мне помешали! – нашелся с ответом охотник, внезапно осознав, что если сейчас не переложит хотя бы часть вины на кого-то другого, то вполне может лишиться головы. Но ведь он и правда не один виноват в произошедшем!

– Кто же тебе помешал? – остановилась женщина напротив охотника, прямо глядя ему в глаза.

Это даже на мгновение сбило его с мысли. Он был высоким мужчиной и ему редко кто мог посмотреть вот так в глаза, находясь с ним на одном уровне.

– Новичок.

– Новичок? – бровь женщины взметнулась вверх.

– Так точно! – по-военному отчитался он. – Лекс Ниртэк, выпускник Академии охотников. Был допущен к охоте за выдающиеся результаты при сдаче экзаменов.

– Ниртэк? Сын главы охотников? – уточнила женщина

– Так точно!

– И что же он сделал?

– Он... – говорить, что парень не дал ему застрелить беглянку, сейчас было бы верхом глупости. – Он замешкался при задержании, и из-за этого девушка смогла сбежать.

– Замешкался, значит... – задумчиво протянула женщина, продолжая рассматривать его в упор.

Охотник снова сглотнул и выдал всю информацию, которую успел разузнать:

– Мэй Савайя до прохождения церемонии Выбора была его девушкой.

– Даже так... – холодные серые глаза перестали его сверлить, и женщина отошла, направляясь к присевшему на подлокотник дивана Гардеону. – Вот видишь, Гарди, все оказалось гораздо сложнее и интереснее.

Берган на это заявление отвернулся от окна и посмотрел на брата и блондинку:

– Левайна, ты ведь поговоришь с мальчиком?

– Конечно, Берги, людьми с такими потенциалом, как у его отца, не разбрасываются. Это задание может стать его личным билетом в высшее общество Ковчега, – и, обернувшись к застывшему соляным столбом охотнику, добавила: – Намекни ему об этом после того, как я с ним поговорю. – Женщина улыбнулась, и на ее холодном лице появились довольно милые ямочки. – И не забудь рассказать о том, что бывает с теми, кто не оправдывает оказанное доверие. Свободен.

Взмокший от пережитого страха охотник развернулся и с облегчением покинул комнату, так и не сказав, что видел с девчонкой чужака – боялся, что живым из этого кабинета уже не вышел бы. Надо бы и новичка об этом предупредить, а то ведь...

Охотник передернул плечами, не желая даже додумывать эту мысль.

***

После ухода охотника троица пересела за столик, который тут же сервировали согласно их предпочтениям.

– Гарди, ты бы поменьше пил и пореже употреблял наркотики, – глядя, как он наливает себе полный бокал виски, упрекнула женщина. – Иначе очередной сеанс обновления придется проводить гораздо раньше.

– Тебе жалко потратить на меня немного своего времени? – почти искренне изумился мужчина.

– Мне жалко бесценных ингредиентов, которые нашим охотникам крайне сложно доставать, – спокойно отрезала Левайна. – А еще, подозреваю, это не понравится другим членам совета.

Шатен поморщился – как же его достали эти ограничения и подковерные игры в совете. Хотя... Пожалуй, без них в этом городе было бы совсем скучно.

– А ты и правда собираешься ввести мальчишку в высший круг Знающих?

– Я уже давно за ним наблюдаю, – женщина отпила из красивой фарфоровой чашки зеленый чай. – Хороший мальчик. Да и его отец о нем хлопочет.

– Знаю я, как он активно хлопочет в твоей постели, – хохотнул Гардеон, но под холодным прищуром серых глаз поерзал и постарался перевести тему разговора: – Мальчишке ведь, как и всем им, – он кивнул в сторону города, – нужно сегодня-завтра сделать инъекцию. Или ты хочешь... – многозначительно протянул он.

– Нет, рано пока. Вот докажет свою преданность, а там посмотрим.

– Левайна, ты ведь понимаешь, как нам важно заполучить эту девочку? – вмешался, наконец, в разговор молчавший до этого Берган. – А мальчишка еще слишком молод, может и взбрыкнуть.

– Ты во мне сомневаешься? – она насмешливо изогнула бровь.

Мужчина отпил из маленькой кружечки крепкий кофе и прикрыл глаза, наслаждаясь его горечью:

– Нет, Левайна, – но спустя секундную паузу добавил: – Пока ты не давала повода в себе сомневаться.

Женщина фыркнула, давая понять, что думает об этом «пока не давала повода», и закинула ногу на ногу:

– Конечно, Берги, – она снова взяла в руки чашку. – Это ведь не я отправила видящую за стену. Ведь так?

Выпад попал в цель, и Берган чуть заметно поморщился:

– Змея.

– Мне было у кого учиться, Берги.

Гардеон не удержался и хохотнул. Пикировки этих двоих ему всегда нравились.

Глава 6. Лес

Спалось мне ночью очень плохо. По крайней мере, в первую ее часть. И хотя я быстро отключилась – давало о себе знать физическое и нервное перенапряжение, – но беспокойные сны не давали покоя, и я постоянно просыпалась и вздрагивала. Один раз, похоже, кричала, потому что меня разбудил Ник и, не обращая внимания на мои очередные потуги отстраниться – хотя мы и спали под одним одеялом – крепко прижал к себе и прошептал на ухо:

– Не бойся, спи. Рядом со мной тебе ничего не угрожает.

Уж не знаю почему, но после этих слов я и правда расслабилась и смогла спокойно уснуть до самого утра, пригревшись в руках парня.

«Следуй за зеленоглазым, не бойся», – звучали во сне бабушкины слова...

А вот утром проснулась уже одна. Ника рядом не было, как и его одежды на веревке. Это я смогла увидеть в рассеянном утреннем свете, шедшем из окошка под потолком. Видимо, парень предусмотрительно убрал от него дощечку. И от осознания своего одиночества у меня все внутри похолодело. Вот так и взбодрилась: сразу и очень резко. Подскочила с лежака, на который он с вечера натаскал для тепла лапник, и принялась надевать свою высохшую за ночь одежду. В голове крутилась мысль, что я еще смогу догнать Ника и напроситься к нему в попутчики. Иначе... что делать в лесу и куда идти – я не представляла.

Одевшись, огляделась внимательнее и заметила прислоненный к стенке рюкзак парня. Из меня словно весь воздух выпустили, и я бухнулась обратно на лежанку – не ушел...

Некоторое время я сидела и просто приходила в себя после встряски. А потом натянула поверх своей одежды еще и его майку. Костер потух, и в землянке стало холодно – весна только-только началась, а в лесу, как оказалось, по утрам гораздо холоднее, чем в городе. А потом я еще и в одеяло укуталась, решив никуда не идти и ждать парня – не хватало еще с ним разминуться. И вообще,

решила, буду делать все, чтобы не создавать ему проблем. Может, тогда он и правда выведет меня к какому-нибудь поселению, о котором говорил вчера?

Я даже не догадывалась, что за пределами Ковчега после катастрофы мог кто-то выжить и остаться человеком. Вирус, унесший миллиарды жизней, изменил этот мир до неузнаваемости. Те, кому посчастливилось выжить, мутировали в страшных чудовищ. Лишь у очень немногих оказался иммунитет к вирусу, и именно их собрали в Ковчеге отцы-основатели. Ходят слухи, что таких Ковчегов несколько, но это лишь слухи. Даже сейчас мы не зря каждый год проходим церемонию Выбора, проверяя себя на мутаген, а потом еще и делаем инъекции, которые убирают даже гипотетическую возможность его развития в крови.

Тут я запнулась в своих рассуждениях. Но у меня ведь его обнаружили. Так неужели я в любой момент могу стать чудовищем и растерзать Ника?

Нет, не может этого быть! Как человек... как я могу в один момент стать чудовищем?! Хотя нам рассказывали, что сначала человек сходит с ума, а потом уже начинает меняться физически. Но я не чувствовала ничего такого! И все же мутаген у меня нашли...

По телу побежали мурашки, и я зябко передернулась, с силой проведя ладонями по предплечьям, стараясь унять нервную дрожь.

– Уже проснулась? – скрипнув дверью, в землянке появился Ник. – Нужно уходить. Я как мог скрыл наши вчерашние следы, но мало ли.

– Скорее всего, по нашему следу пустят еще и дроны.

– Да, могут, – ничуть не удивившись, согласился он. – Поэтому мы будем очень внимательны. – И, порывшись в рюкзаке, нашел черную резинку. – На вот, собери волосы.

– Спасибо, – удивленно протянула я и посмотрела на его короткие волосы. – Чье это?

Ник бросил на меня быстры взгляд:

– Неважно. Пошли, – и закинул на спину рюкзак. – Одеяло пока накинь на плечи. На улице холодно.

Спорить я не стала, как и расспрашивать о происхождении резинки, а быстро заплела косу и проследовала за ним.

На улице и правда было прохладно, и я зябко передернула плечами, поправив одеяло.

Через метров сто он попросил меня немного подождать, а сам вернулся назад. Не знаю, что он там делал, возможно, снова заметал следы, но для меня было главным, что он за мной вернулся и повел дальше.

Утешало, что засечь нас в лесу дроном не так-то просто, если мы постоянно будем находиться под сенью деревьев и не выходить на открытые места. Пожалуй, нам сильно повезло с ранней весной, иначе это было бы еще сложнее.

– Ты отведешь меня к людям? – все же не выдержала я через некоторое время.

– Да.

– А их много? Людей.

Парень даже обернулся, чтобы на меня посмотреть:

– Достаточно.

– А как же мутанты?

Он остановился и тяжело вздохнул:

– Мэй, давай договоримся так: когда мы остановимся на отдых, я расскажу что к чему, а сейчас нам нужно двигаться как можно быстрее и тише и не отвлекаться. Ваши охотники слишком опасны, чтобы их недооценивать.

Я кивнула, и в этот момент мы услышали над головами чуть слышный гул.

– Дрон, – прошептала я одними губами, испытывая настоящий ужас и собираясь сорваться на бег.

Ник это явно понял и, быстро шагнув ко мне, прижал к себе и увлек к ближайшему стволу дерева.

– Все хорошо. За листвой он нас не заметит. Слышишь? – Его голос не сразу пробился в мое сознание, и я заторможено кивнула. – Вот. Умница. Приходи в себя.

Все это время я смотрела в его уверенные глаза и чувствовала, как меня отпускает.

– Прости, – наконец, прошептала я и уткнулась лбом в его грудь.

– Ничего. Пошли. Он уже улетел.

Еще с час мы бодро двигались по лесу, и я уже почти поверила, что мы так просто доберемся хотя бы до обещанного места привала, когда Ник настороженно замер и жестом приказал замереть.

Ничего не происходило, и я, не выдержав, тихо позвала:

– Ник?

Но он даже не обернулся, напрягшись еще больше. И я поняла почему – метрах в десяти от нас из листвы почти бесшумно показалось нечто. Больше всего оно походило на одно из чудовищ, которые притаскивали в город на всеобщее обозрение охотники. Вот только это было раза в полтора больше.

И я с кристальной ясностью поняла: нам от него не убежать.

Монстр, чем-то отдаленно напоминавший волка – по крайней мере, на него походила его морда с оскаленной пастью, из которой капала вязкая тягучая слюна, – наводил такой ужас, что ноги приросли к месту. В остальном, правда, монстр отличался от волка, так как двигался на задних лапах и прижимал к груди лапы поменьше. Но обманчивое впечатление их слабости портили острые

длинные когти, похожие на ножи. Само тело казалось скрученным из тугих жгутов неестественно раздутых мышц.

По-моему, я даже перестала дышать, чтобы не спровоцировать его на атаку.

Но монстр принялся и, словно почувствовав мой дикий страх, посмотрел прямо мне в глаза и бросился вперед, в один прыжок сокращая разделявшее нас расстояние.

Наверное, не будь я так напугана, зажмурилась бы, закричала, бросилась наутек, но я застыла на месте, не в силах отвести взгляда от приближавшейся смерти.

Но когда в чудовище из рук Ника рванул столб пламени, я отмерла, и мой крик смешался с утробным воем обожженного зверя. Он рухнул прямо перед нами и начал кататься по земле, с рыком пытаясь сбить с себя пламя.

Как я не сорвалась на бег и не унеслась в неизвестном направлении – не знаю. Наверное, какой-то частью сознания все никак не могла поверить в реальность происходящего.

Ник еще какое-то время поливал монстра огнем, но потом устало опустил руки и покачнулся. Я поддержала парня и потянула его прочь от продолжавшего с воем кататься по земле хищника.

– Сейчас, – тихо сказал Ник, достал из кармана штанов кусочек рафинада и с хрустом начал его жевать. – Нужно закончить дело, – притормозил он меня и, стянув со спины рюкзак, достал топорик.

– Ч-что? – не поняла я его намерений.

– Нужно добить зверя, иначе он придет в себя и продолжит погоню. У норлоков слишком хорошая регенерация, и они ужасно мстительны.

– Н-не надо! – попыталась я удержать парня, но получила злой хлесткий взгляд и, всхлипнув, отступила.

Снова стало дико страшно. Даже страшнее, чем когда я увидела этого норлока. Но Ник подскочил к мутанту и, увернувшись от его острых когтей, несколькими точными ударами отделил голову хищника от тела, сноровисто вскрыл ему живот и, достав из другого кармана штанов пакетики, начал что-то в них складывать. От этого зрелища меня чуть не вырвало. Никогда прежде не видела ни как разделяют, ни тем более как потрошат животных, а тут...

Не выдержала и все же опорожнила скудное содержимое желудка. И, пока парень не закончил, старалась не смотреть в его сторону. Прислонилась лбом к дереву и прикрыла глаза, пытаюсь убедить себя в том, что ничего страшного не произошло и не происходит. Просто я еще не знаю реалий своей новой жизни и ничего в ней не понимаю.

– Мэй, – наконец, позвал меня Ник, и я с опаской обернулась. Он уже стоял около своего рюкзака. – Достань воду и полей мне на руки, – попросил.

На дрожащих ногах я подошла, выудила бутылку и помогла смыть кровь. От внезапно вспыхнувшей мысли мои руки затряслись так, что я чуть не уронила бутылку и не разлила всю воду. Благо Ник во время ее перехватил.

– В чем дело? – нахмурился он. – Я понимаю, что было страшно, но нужно брать себя в руки. Некогда раскисать.

– Ник, – я сглотнула. – А он... оно было когда-то человеком?

– Что? – даже застыл он на секунду. – Как такой бред мог вообще прийти в твою голову?

– Но как же? – растерялась я. – Нам показывали таких и говорили, что это люди, которых изменил мутаген.

– Это? – он даже ткнул пальцем в сторону поверженного монстра. – Это и правда мутант, только его предки мутировали под действием радиации из обычного волка.

– Радиации?

- Ну, наш док утверждает, что тут не обошлось и без человеческого вмешательства в геном животных, но это уже мало кого интересует.

- Почему?

- Потому что как бы они когда-то ни появились, для нас это уже не имеет никакого значения.

- Почему? - отчего-то мне казалось, что знать такие вещи крайне важно.

Одно то, что норлок не человек, уже сняло у меня с души огромный камень - я в такого точно не превращусь, - потому мне были крайне важны любые детали.

- Слушай, давай уже отсюда уходить, а то мы так нашумели, что нас, наверное, было слышно и в твоём Ковчеге, - быстренько расстав по кармашкам рюкзака пакетики с отвратительным содержимым, он надел рюкзак и пошел вперед.

- И все же, - меня все еще трясло, но я изо всех сил старалась держаться и дала волю любопытству.

- Мэй, а тебе не все равно, какой монстр тебя схарчит: которого создали люди или радиация?

- Но ведь если его создали люди, они могут это повторить!

- Не могут, - хмыкнул парень.

- И откуда такая уверенность?

- Если бы после катастрофы кто-то мог создавать таких монстров, уже бы давно создал и поставил их себе на службу.

- На службу?

- А иначе зачем их вообще выводить?

В словах парня был резон.

– Так, может, кто-то и поставил.

Он ненадолго задумался:

– Нет, вряд ли. Об этом все равно стало бы известно. Ходоки разнесли бы инфу.

– А зачем ты монстра... – я показала рукой неопределенный жест.

– Распотрошил?

– Да, – я сглотнула подкативший к горлу ком.

– Его внутренние органы очень ценятся в медицине и алхимии и за них в любом поселении можно получить хорошие деньги.

– Деньги? Вы пользуетесь деньгами? – удивилась я. – Я где-то читала, что люди раньше для расчётов использовали деньги, но не думала, что они еще где-то сохранились.

Хотя я ведь еще вчера даже не догадывалась, что за пределами Ковчега вообще живут люди.

– А чем же вы тогда друг с другом расплачиваетесь? – не меньше меня удивился парень.

– У нас на счету копятся баллы социальной активности. Ими мы и распоряжаемся.

– И как проверить, сколько у тебя этих баллов?

– Для этого достаточно любого коммуникатора или информационного стенда. Мы подносим к нему штихкод и все узнаем и можем проводить любые манипуляции. – Я даже постучала по месту на предплечье, где у меня набита татуировка.

– Так вот зачем у вас эти татухи. – Парень что-то знал о Ковчеге и живущих в них людях, но явно только какие-то крохи. – Н-ну-ну... – хмыкнул и покачал головой он.

– Что? – не поняла я его скепсиса.

– Ну и что сейчас ты будешь делать со своими баллами?

– Ничего, – буркнула я в ответ. – Меня уже нет в системе, как и моих баллов.

– Как у вас там все легко: есть в системе – нет в системе. Вкл-выкл. – Я не совсем поняла, что хотел сказать Ник, но расспросить его об этом не вышло. – Ладно. Что-то мы с тобой разболтались. Идем тихо. Старайся за мной успевать. Если почувствуешь, что выдохлась – скажи. А теперь вперед! – и ускорился так, что мне стало не до разговоров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/cvik_katerina/izgnannica-put-k-svobode

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)